Не поступаясь честью | Полемическое письмо

РУКИ ПРОЧЬ ОТ НАШЕЙ ПОБЕДЫ!

Близится святой для нашей Родины день — день шестидесятилетия Великой Победы. «Это наша общая Победа», — вкрадчиво лепечет «Радио России» в перерывах между «смелыми разоблачениями стереотипов советской истории», которые на деле оборачиваются русофобскими фальсификациями и рекламой средств от импотенции, которую менеджеры нашего телевидения и радио, видимо, по причинам личного свойства, особо жалуют. «Это наша общая Победа», — заявляет министр обороны Российской Федерации, сугубо гражданское лицо с филологическим образованием, тем не менее уверенно реформирующий армию, опуская ее во все большую нищету и позор и излучающий при этом бодрость и чувство исполненного долга. «Это наша общая Победа!» — пундосит какой-нибудь политик, еще вчера лучший друг и защитник олигархов, растащивших великую страну, превратив ее оборонный, научный, промышленный потенциал в личные дачи на Лазурном берегу и счета в швейцарском банке, а сегодня — борец с отдельно взятыми олигархами, рьяный «патриот», с придыханием толкующий о «национальных интересах», видимо, дабы воплотить в жизнь свое прежнее любимое присловье о том, что есть и такой «патриотизм», который — последнее прибежище негодяев. «Это наша Победа!» — подводит итог всему сказанному ими президент, бывший советский офицер, связавшийся с антисоветчиками и американофилами вроде Собчака и Ельцина, служивший им — сверхбогачам, нажившимся на беде народа, а затем предавший и их — прежних друзей-либералов, после того как пробрался в Кремль, к желанной власти.

Так и хочется посреди всей этой вакханалии лицемерия, предательства и фальши крикнуть: «Врете, господа!». Никогда эта Великая Победа не была общей, ни тогда — в 1945-м, ни сейчас — в 2005-м! А если поздносоветская пропаганда и повторяла этот навязший в зубах штамп, то либо по глупости ее режиссеров и исполнителей, либо, что более вероятно, по их злому умыслу. Ведь никто не забыл: кто делал советскую пропаганду в последние десятилетия существования СССР — та же самая тусовка познеров, которые, когда им стало выгодно, публично сожгли партбилеты и из первых рядов «верных строителей «светлого коммунистического будущего» шагнули в первые же ряды строителей будущего капиталистического, счастливого, правда, далеко не для всех, а лишь для «избранных», к коим они, естественно, отнесли и себя...

А жизнь — она ведь была и остается гораздо более сложной, чем пропагандистские штампы. Не весь советский народ, не все русские люди, как один человек, поднялись на борьбу с агрессорами почти со всей Европы, ведомыми на нашу землю Гитлером и его камарильей. Отнюдь! Были герои-солдаты, заслонявшие амбразуры своим телом, и герои-генералы, хлебавшие с солдатами из одного котла и спавшие на земле, прикрывшись шинелью. А были и предатели, переходившие к немцам, воевавшие против своих же соотечественников в рядах армии, как бы в издевку названной «российской» и «освободительной». Были подростки, по двадцать часов стоявшие на заводах у станка, ради того, чтобы на фронт пришло побольше снарядов, и падавшие прямо в цехах в голодные обмороки, а были и спекулянты, втридорога продававшие ворованные хлеб, масло, консервы и жирующие на чужом голоде и нищете. Были украинцы и чеченцы — Герои Советского Союза, своей храбростью удивлявшие фронтовых товарищей, жизни не жалеющие ради нашей общей Родины, а были молодчики из армии Степана Бандеры и кавказской дивизии СС. Были русские люди — эмигранты, ради своей любимой Родины, ее свободы и жизни отбросившие свои иногда достаточно принципиальные разногласия с большевиками и собиравшие в Париже и Лондоне деньги для победы советской, Российской армии, уходившие в отряды антинацистского Сопротивления, гибнущие в нацистских концлагерях, как мать Мария (Кузьмина-Караваева), а были озлобленные фанатики, готовые отдать Россию на растерзание Гитлеру, лишь бы не досталась ненавистным большевикам, сотрудничавшие с немцами, готовившие русские кадры для СС, как Краснов или Марковвторой. Все расставила по местам эта война, покончив с нелепыми бреднями о том, что «России уж нет» и что на месте ее «безродная коммунистическая Совдепия», заставив даже многих яростных и принципиальных противников коммунизма как идеологии осознать, что СССР — это тоже Россия, это новый облик прежней российской, евразийской цивилизации, он может нравиться или не нравиться кому-либо по его политическим убеждениям, но бороться против СССР, да еще и совместно с его западными врагами — это значит бороться против России, против своей Богом данной Родины. А те, кто не признал это, навек покрыл свое имя позором.

Водораздел прошел, как видим, не по линии «коммунизм-антикоммунизм» — как внушали нам раньше деятели советского агитпропа и как внушают они нам теперь, став деятелями агитпропа антисоветского и повторяя те же штампы, только теперь обеляя предателей, объявляя, что они-де «борцы с коммунизмом». Водораздел прошел по другой линии — любви к России, к ее самобытности и самостоятельности. Троцкисты тоже были коммунистами, то и дело ссылавшимися на Маркса и Ленина, но они животно радовались каждому поражению сталинской России, которую ненавидели за то, что «неправильно», не «по-марксистски» в ней строили социализм. А Русская Православная Церковь оказалась на стороне Сталина и ВКП (б), потому что правительства приходят и уходят, а Родина у нас одна, и если власть защищает Родину, то она настоящая власть, от Бога, какая идеология у нее ни была бы...

Так что эта Победа была «нашей Победой» только для героических солдат, офицеров, генералов Красной Армии, для самоотверженных, полуголодных, вечно усталых тружеников тыла, для православных священников и мирян, для мусульманских мулл и простых мусульман, собиравших деньги на танки и самолеты — от Православной Церкви и мусульманской уммы, бок о бок со своими соотечественниками — атеистами и большевиками, сидящими в окопах, стоящими у станков и за плугом, для эмигрантов — бывших белых офицеров и солдат, ставших «оборонцами», советскими патриотами, борющимися против гитлеровцев в подполье, в оккупированной Франции и Чехословакии, ловящих по ночам старенькими приемниками сигналы московского радио... Но эта Победа была поражением для полицаев и «лесных братьев», для националистов разных мастей и просто предателей, для спекулянтов и торгашей, ненавидящих Советскую власть, для затаившихся партийных фракционеров, мечтающих о том, что Сталину воздастся за Троцкого, Бухарина и Зиновьева пусть и ценой оккупации и раздела Страны Советов, для эмигрантских русских гитлеровцев, сравнивших и видевших, как они вместе с дивизиями вермахта входят в Москву ... Многие из них, конечно, знали или догадывались, что Гитлер уготовил России роль сырьевого придатка Германской империи с населением не более 10—15 миллионов «аборигенов». Но они надеялись войти в число этих 10—15 миллионов...

Сегодня, в 2005-м, наше российское общество, весь русский народ, все народы Великой России-СССР расколоты, как и в 1941—45-х, даже сильнее, глубже расколоты... Есть сейчас «западники»: от Новодворской, Немцова, Хакамады до нашего «всенародно любимого» В.В. Путина — при всех разногласиях между собой едины в одном: Россия должна войти в европейскую цивилизацию на любых условиях и любой ценой. Они — прямые наследники полицаев, журналистов пронацистских газет на оккупированных территориях, самого генерала Власова. Те ведь тоже что-то лопотали про «европейские, арийские ценности», «величие и всемирно-историческую миссию германского рейха». Конечно, господин Путин, приезжая на юбилеи освобождения концлагерей, говорит сегодня о демократии, прогрессе и холокосте. Но это только потому, что сменились западные хозяева и соответственно идеология Запада — раньше там «правили бал» немецкие национал-социалисты, теперь — англо-саксонские неолибералы. Однако эти изменения по большому счету несущественные, косметические. Сменилась фразеология, лица, страны, политика Запада осталась прежней, направленной на контроль над всей планетой, на разрушение цивилизаций, соразмерных по мощи с западной и угрожающих мировой экспансии Запада. Только раньше славян сжигали в печах «фабрик смерти», а теперь сокращают их численность при помощи финансируемых из Европы центров по планированию семьи... Немецкие нацисты были более прямолинейны и грубы, американские неолибералы — более хитры, но по отношению ко всему остальному, незападному миру они делали и делают одно и то же дело...

Так что победи во внутризападной «борьбе за власть» немцы, а не англосаксы, в Освенцим, только уже на юбилей его основания, тоже приехал бы невысокий человек со славянской внешностью и в аккуратном костюмчике. И он арийского вида господам в мундирах СС на прекрасном немецком языке рассказывал бы, как счастливы восточные территории рейха быть в составе «великой европейской цивилизации» и как высоки и благородны «национал-социалистские, истинно западные ценности»... И на лацкане его пиджака был бы значок с тем же, что и сейчас, трехцветным власовским флагом...

Итак, наши западники, повторим, никакие не либералы, а не кто иные, как наследники предателей-власовцев. Настоящие буржуазные либералы и буржуазные демократы возможны только на самом Западе, так как идеология либеральной демократии неразрывно связана с «европейской почвой», с психологией, историей, типом религиозности романо-германских народов. Те же, кто именует себя либералами и демократами в незападных странах — в России, в Турции, в Африке, в Латинской Америке, — коллаборационисты, проводники западных ценностей и, значит, пособники западной агрессии, в каких бы формах она ни проводилась. Они могут это понимать и действовать сознательно или не понимать и быть искренними в своих заблуждениях — вред от их слов и дел от этого не меньше.

Также и наши олигархи, «новые русские», новоявленные «капиталисты» — да ведь это духовные дети спекулянтов времен войны, лоснящихся жиром, наглых, обворовывающих голодных детей, безмерно усталых рабочих, солдат на фронте... А то, что разного рода кучмы, саакашвили, ландсбергисы и прочая националистическая камарилья — духовные наследники бандер и «лесных братьев», даже доказывать не стоит, они и сами не только не отрицают сей факт, но даже открыто заявляют об этом, ставят памятники гитлеровским прихвостням, поливают грязью советских солдат... Отец бывшего президента Украины Данила Кучма был политруком Красной Армии и погиб на фронте. Его сын — Леонид Кучма приравнивает украинских гитлеровцев-бандеровцев к ветеранам войны с предоставлением всех полагающихся ветеранам льгот... Думается, сам герой отец, будь он жив, отрекся бы от сына и сказал бы, что его истинный, духовный отец — Степан Бандера. И был бы прав...

Так что перестаньте врать, господа! Это не ваша Победа. Это наша Победа — православных, мусульман, коммунистов и беспартийных, остающихся верными своей Великой Родине — России—СССР от Бреста до Памира, скорбящих о ее распаде и унижении и мечтающих о ее возрождении и прежнем величии.. Это наша Победа — наследников советских солдат и партизан, Сталина и патриарха Сергия, крестьянского сына маршала Жукова и эмигрантки монахини Марии. Наша Победа! И вам ее не отнять, не приватизировать, не растворить в лицемерной болтовне об «общем подвиге» и «общей радости»... Вы, что ли, радуетесь победе Сталина, победе русского народа, победе всех народов России-Евразии над войсками объединенной Европы, вторгшимися, чтобы нести нам ценности, которые они тогда, пятьдесят лет назад, считали «самыми передовыми»? Вы — лакеи Запада, питающиеся остатками с его стола!

Мы говорили, говорим и будем говорить: это — наша Победа! *Руки прочь от нашей Победы!*

Рустем ВАХИТОВ.

Уфа.

География нашей Победы

Присвоено имя: Бухта Чичерина

Безымянной бухте, расположенной в южной части Охотского моря, ограниченной мысами острова Танфильевна Малой Курильской гряды (называемой японцами и российскими японофилами «Хабомаи») с координатами центра бухты 43?27,1 северной широты, 145?54,5 восточной долготы присвоено наименование «бухта Чичерина».

В постановлении правительства России № 96 от 25 февраля 2005 года «О присвоении наименований» скупо мотивируется принятое решение памятью «об участнике Великой Отечественной войны, военном моряке П.А. Чичерине, на основании представления Сахалинской областной Думы».

Кто такой Павел Андреевич Чичерин?

Капитан 3-го ранга Павел Андреевич Чичерин с 12 мая по октябрь 1945 года проходил службу командиром 2-го дивизиона больших охотников 5-го отряда кораблей ВМФ. С 9 августа по 3 сентября 1945 года — участник войны с Японией.

Принимал непосредственное участие в проводке конвоев Владивосток — Советская Гавань — Владивосток и в проведении операции по высадке десантов второго эшелона на остров Сахалин и Курильские острова. Во время операции показал высокую морскую выучку, обеспечил успешное выполнение задания.

Во время высадки десантов П.А. Чичерин организовал и успешно провел 3—5 сентября 1945 года операцию по освобождению островов Малой Курильской гряды: Сибоцу-Сима (Зеленый), Тараку-Сима (Полонского), Суйсио-Сима (Танфильева), Юри-Сима (Юрий), Акиюри-Сима (Анучина), Харукару-Сима (Демина). Лично произвел детальную разработку операции и принял в порту Отомари (ныне Корсаков Сахалинской области) десантные части 113-й стрелковой бригады 87-го стрелкового корпуса на десантные суда в охранении боевых кораблей.

Награжден орденом Красной Звезды, дважды орденами Красного Знамени, орденом Нахимова 2-й степени, орденом Ленина.

С 1945 по 1948 год продолжил службу командиром дивизиона сторожевых кораблей, дислоцированных на Курилах и южной части Сахалина. Затем служил на Балтике командиром эскадренного миноносца «Образцовый» (г. Балтийск). В 50-х годах Павел Чичерин служил в военной разведке. В 1961—1970 годах он уполномоченный центральной группы Государственной приемочной комиссии кораблей и судов, поставляемых по импорту. Вышел в отставку в 1970 году в звании капитана 1-го ранга. Скончался в 1974 году.

Инициативу в присвоении какому-либо географическому объекту на Южных Курилах имени Павла Чичерина проявили заместитель председателя Комитета защиты Курил профессор Алексей Плотников и депутат Государственной думы России от Сахалинской области Иван Ждакаев. Ряду депутатов Сахалинской областной Думы пришлось почти два года добиваться решения вопроса в инстанциях, которые в это время непрерывно реформировались. Даже после того как летом 2004 года Главком ВМФ В. Куроедов поддержал «инициативу и внимание, проявленное к памяти офицеров Военно-Морского Флота России — участников Великой Отечественной и Второй мировой войн, имеющих заслуги перед Отечеством», прошло еще полгода, прежде чем правительство России приняло соответствующее решение.

В Москве живет вдова Павла Андреевича Чичерина. Среди его потомков есть военные моряки. Мы поздравляем всех родственников Павла Андреевича с достаточно редкой и, несомненно, заслуженной наградой Родины.

В принятом решении правительства России я вижу хороший знак. В современной истории России и на ее современной карте наконец-то увековечена память морского офицера и разведчика. Особенно это радует в канун поездки президента России в Японию. Думаю, что не для того наша страна наносит имена своих заслуженных людей на карту, чтобы потом кто-нибудь переименовывал наши бухты. Памятью можно поделиться, но ее нельзя отдавать.

Сергей ПОНОМАРЕВ,
депутат Сахалинской областной Думы.

Плакат военной поры

ВОЙНА и ДЕТИ

Невозможно поставить рядом два этих слова. В одном — горе, беда и погибель, в другом — радость жизни, солнечный свет, надежды и будущее.

Раненый ребенок с плаката художника А. КАЗАНЦЕВА, уже в первые месяцы войны создавшего гневные, обличающие фашизм полотна, призывает Красную Армию, весь наш народ отстоять Родину от немецких захватчиков, отомстить за кровь, за смерть и разрушения, защитить детей.

60 лет проходит с той войны. Мальчикам и девочкам, на чью долю выпало испытать страшное ее бремя — ужас бомбежек, гибель родных, эвакуацию, муки ленинградской блокады, голод, фашистские концлагеря и множество других недетских лишений, — сегодня уже за 60 и за 70. Но они ничего не забыли — ни страданий, ни радости Великой Победы. Их сердца наполнены благодарностью к родной Красной Армии-спасительнице и Советской стране, будто безвестный солдат, укрывшей шинелью маленьких своих граждан.

Много осталось тогда сирот, сотни тысяч. Но все они выучились, получили профессии, возрождали и строили страну, радовались жизни и надеялись, что больше никогда не возвратится к нам страшная тень беды, безотцовщина, опаленное горестями и несчастьем детство.

Их принесли губительные реформы, искусственно организованные межнациональные конфликты, бесправие, несправедливость, разделение на богатых и бедных. Больше, чем после той войны, стало сирот и беспризорных детей.

В души наши пронзительно смотрит сегодня с плаката времен Великой Отечественной войны раненый ребенок. Давно отсохли на ранах его ржавые корки крови. Сквозь них на свежих белых бинтах проступают алые меты крови убитых, сожженных детей Беслана, заложников театра на Дубровке, бесчисленных маленьких жертв великой трагедии брошенной под откос истории России.

Кто бы ты ни был — закаленный мужеством старый солдат-фронтовик, вынужденный крутиться на нескольких работах отец семейства или протестующий против монетизации льгот студент, коммунист или беспартийный, старик и юноша, ученый и рабочий, действуй и помни: спасем детей — спасем Россию, наши идеалы и наше будущее.

5

все горюет, что не дождался я награды тогда. Признаюсь, я и сам тогда о награде думал — молодость! А сейчас даже вспомнить о мысли той стыдно. Самая большая награда для человека — остаться после той страшной войны живым. Я часто думаю: почему остался? Наверное, везение. Наверное, голову не теряй во время опасных моментов. В Бога я не верю, но берегла, наверное, и какая-то высшая справедливость: За добро судьба платит тебе добром.

— Мансур Гизатулович, расскажите: как в окопах приняли знаменитый приказ № 227?

— Это был суровый приказ. Он появился, когда отступление докатилось до Волги. И был он сильным отрезвляющим средством — «Ни шагу назад!» Приказ был прочитан во всех подразделениях. Слушали его молча. И мысленно одобряли.

Приказ остановил людей. Появилась уверенность в соседях справа и слева — не отступят. Все как-то сразу стабилизировалось и окрепло. Хотя и непросто было сознавать: сзади тебя отряд.

— И как действовали эти отряды?

— Я не знаю случая, когда бы в отступающих стреляли. Под «новую метелку» в первые недели после Приказа попали виноватые, а кто-то и не очень виноватый. Меня, помню, командировали из роты наблюдать расстрел семнадцати человек «за трусость и паникерство». Я обязан был рассказать своим об увиденном.

Видел позже и заградительный отряд при обстоятельствах весьма драматических. В районе высот Пять Курганов прижали нас немцы так, что драпали мы, побросав шинели, в одних гимнастерках. И вдруг наши танки, а за ними лыжники на веревках — заградительный отряд. Ну, думаю, вот она смерть! Подходит ко мне молодой капитан-эстонец. «Возьми, — говорит, — шинель с убитого, простудишься...»

Потом заградительный отряд влился в наш полк. И вообще отряды исчезли. Стали не нужны. Мы, конечно, случалось, и отступали, но только по крайней необходимости — научились уже наступать.

А с командиром бывшего заградотряда Яном Яновичем Тухкруком мы подружились. И даже — бывают же чудеса! — разыскали друг друга после войны. Я был у него в Таллинне. Вспомнили, конечно, этот эпизод возле Пяти Курганов, вспомнили приказ. Он принес строгость, необходимую дисциплину. Это была важная веха войны.

— Что для вас на войне было самым трудным?

— Примириться с близостью смерти. И сам труд, изнурительный, каждодневный. Сколько земли перекопано! Остановились — сразу роешь. Кто ленился — погибал. Я не ленился. Долгое время вместе с минометной трубой и лопатой таскал саперную кирку. Тяжелая штука, зато надежная — любую мерзлоту одолеешь.

— А чего вы лично боялись больше всего?

— Смерти, особенно глупой, нелепой смерти. Боялся раны в живот. Плена.

— Что труднее всего прощалось на фронте?

— Неточность, необязательность, предательство, ложь, халатность, расхлябанность. За все ведь платить приходилось жизнью. Наткнулся однажды на прикрытый парашютом капонир для машины. В нем раненые. Прижались друг к другу, мерзнут. Разыскал санитара. Привел его к яме. «Всех, всех вывезем через пару часов». Морда его не понравилась, подумал: обманет. Утром сделал крюк заглянуть в капонир. Поднял полотно: лежат замерзшие все до единого — двадцать два человека... На войне не всегда отыщешь виновного — все движется, перемещается. Но как мне хотелось встретить тогда санитара! Впрочем, он мог ведь тоже погибнуть...

6

— Мансур Гизатулович, на войне, о которой мы говорим, проявился массовый героизм народа. И все-таки не все подряд были героями. Приходилось, наверное, видеть и трусость?

— Василий Михайлович, смерти боятся все. Все! Я могу это утверждать, имею право, потому что видел и смелых, и несмелых, стойких и нестойких. Но один умеет взять себя в руки, а другой — нет. Я в трусливых себя не числю, а был случай — даже обмочился от страха. Но я преодолел себя. И никто моей слабости не заметил. А другие паниковали, бежали. Были и дезертиры, трибуналом судили «самострелов». И в атаку боялись подняться. Все было. Но в массе больше было все-таки смелых людей, людей с высоким чувством самодисциплины. Тон они задавали. А среди смелых и трусоватый подтягивался. А гибли трусливые чаще, чем смелые.

Для меня человеком беспредельной смелости, боевой выдержки и хладнокровия был наш командир полка Билаонов Павел Семенович. Когда я раненый вернулся с войны, я много о нем рассказывал горнякам. Слушали внимательно и всегда спрашивали: а он Герой Советского Союза? Я говорил: да. Хотя у Павла Семеновича такого звания не было. Но я был уверен: будет. И действительно, войну он закончил Героем Советского Союза. Жив-здоров и теперь. Мы с ним переписываемся.

— А теперь давайте вспомним истинно героический поступок.

— Ну вот оценивайте сами. На Курской дуге потери были очень большими. Каждую ночь в роты прибывало пополнение. И вот однажды утром обнаруживаем: солдаты из маршевых рот, не видавшие близко войны, совершенно подавлены. Взошедшее солнце осветило лежащие, как снопы, трупы, горы искореженного металла. Упадешь духом при виде такого. Что делать? Предстоят наступательные бои. Как подымать батальоны в атаку? Наш комбат Гридасов Федор Васильевич приказывает:

— Подать коня!

Конь у комбата был всегда наготове. Но зачем сейчас? И вот верхом на разгоряченном коне вылетает комбат на нейтральную полосу — и галопом с фланга на фланг — на виду у нас и у немцев. Ширина нейтральной полосы — четыреста метров. Что началось! Сколько заработало пулеметов! Мы видели трассы пуль. А всадник мчался, как заколдованный. Вот уже воистину смелого пуля боится — проскакал невредимым. И достиг того, чего хотел. Сотни людей, следившие за скачкой с тревогой и восхищением, очнулись, стряхнули страх... В наступлении у Прохоровки мы вышли на рубежи, которые занимали наши передовые части 6 июля. Смелость города берет!

— Что было для вас самым драматическим, самым горьким на войне?

— Хоронить друзей. У меня слезы близко — не мог удержаться — рыдал... И горечь, не проходящую и поныне, оставила переправа через Днепр. Что там было! На бревнах, на снопах, обшитых плащ-палатками, на всем, что может держать человека, стали мы ночью переправляться с левого берега на песчаный остров посредине Днепра, чтобы потом занять плацдарм на правобережье. Немцы, конечно, ждали, что именно тут мы станем переправляться. И с крутого берега обрушили на нас такое море огня, какого не видел я ни в Сталинграде, ни на Курской дуге. Я плыл с просаленным вещмешком, набитым мякиной. Ума не приложу, как уцелел в месиве из воды, обломы, бревен и человеческих тел. Оказывался то поднятым в воздух, то, подобно глушеной рыбе, — в воде.

С громадными потерями наш корпус все же высадился на низком песчаном острове. И он оказался для нас ловушкой. Немцы с крутого берега расстреливали нас, как муравьев. Рассеется дым — снова стреляют. Автоматы у нас заклинило, гранаты не действовали, еды нет, укрыться негде и не на чем двигаться дальше. Никогда за все

7

время, проведенное на войне, я не чувствовал себя таким беспомощным. Ослепшие от песка, оглохшие от взрывов, мы зарывались в вязкий и мокрый грунт — одни головы наружу. А после нового шквала огня глянешь — нет и голов.

Девять дней в октябре 1943 года держались мы на острове в отчаянном положении. Потом немцы вдруг стихли. Остатки людей, измученные, израненные, контуженные, поднялись, не понимая, в чем дело. Куда плыть, на правый берег или назад? На левый берег переправил я раненых и тут узнал: уже три дня есть приказ отступить. Оказалось, наша переправа была ложной — отвлечь силы немцев. Настоящие бескровные переправы с понтонами наведены были выше и ниже по Днепру, по ним переправились танки, артиллерия и пехота...

Я, помню, сел и долго неподвижно глядел на воду. В большой стратегии войны все было сделано правильно. Сохранилось множество жизней, и война идет уже на правобережье. Но каково было нам, изведавшим ад отвлекающей переправы — ни почестей, ни наград, ни даже какой-нибудь благодарности. И сколько погибших...

— И ведь это не единственное страшное воспоминание?

— Конечно! О некоторых подробностях войны страшно и говорить, и писать...

Помню человеческую фигуру на трех точках — на локтях и на одном колене, содрогаясь в конвульсиях, улепетывает от «передка» мне навстречу. Вторая нога в валенке неестественно длинная... Боже мой, нога держится на одном сухожилии. Мне надо бежать туда, откуда ползет солдат, но все, что далее происходит, заставляет остолбенеть. Солдат сел, вынул из кармана перочинный ножик и, дико оскалившись, стал перепиливать сухожилие. Не потерял сознание солдат. Снял с себя шапку, перетянул ее ремешком на культе. Потом стал закапывать ногу в грязном снегу. Это было в первый месяц моей войны.

И еще картинка, не уходящая из памяти. Аэродромное поле у местечка Питомник под Сталинградом. Немцы свезли сюда раненых, но эвакуировать не успели. Раненые погибали, замерзая на запорошенной снегом равнине. Тысячи! Некоторые ползают. Опираясь на руки уже без пальцев, смотрит на меня тускнейшими глазами немец, у которого носа практически нет и все лицо — лепешка, изуродованная морозом. Глаза умоляют: пристрели. У меня рука не поднимается. И немец обращает глаза к стоящему со мной рядом сержанту, у которого пистолет на боку. Немец даже кивнуть не может, завороженно смотрит на пистолет. Глазами моргнул: «Да...» Сержант выстрелил. Человек уже мертвый, а не падает, стоит на руках и ногах, как скамейка, из пробитой головы не идет кровь.

— Как психика человека может противостоять такому? Ведь можно сойти с ума. Случалось?

— Вы знаете, не припомню. Человек способен ко многому притерпеться, привыкнуть. Иначе на войне сумасшествие было бы массовым. Нет, смотришь, сидит солдат рядом с замерзшим трупом, черпает из котелка кашу...

И все-таки психика устает, наступает предел возможностей. И не только от жестоких картин войны, но и от грохота, от бессонницы, от постоянного страха смерти. Я наблюдал: человек начинает терять чувство самосохранения, появляется у него подспудная тревога: «завтра меня убьют». И, глядишь, в самом деле погиб. Я знаю много таких случаев. Начинают отдавать друзьям адреса родных, просят им написать «в случае чего». С таким предчувствием погиб мой командир Павел Георгиевич Суворов. И сам я побывал на грани этого чувства: «Скорей бы ранило или убило». Это, помню, совпало с назначением меня комсоргом батальона. Комиссар Егоров Владимир Георгиевич мне говорит: «Мансур, не неволю.

8

Не согласишься — не осужу». Комсорги на войне несли тяжкий крест — первыми обязаны были подниматься в атаку. Ну и жили они немного, две-три атаки — и нет комсорга, либо ранило, либо убило. Я не стал отказываться: назначайте, говорю.

— Остались все-таки живы...

— Да, каким-то чудом остался, хотя в атаку поднимался не один раз. Страшное это дело — оторваться от земли, когда знаешь: все пули сейчас полетят в тебя. Но когда слышишь сзади «ура!», «...твою мать!» — почему-то о смерти уже не думаешь.

— Комсорг всегда стремился быть на высоте положения?

— А как же. Как говорится, дрожи, а фасон держи. Вопросы чести и авторитета на войне были острыми. Вот один эпизод. Иду мимо группы ребят — расположились в траншее, трапезничают: шнапс, трофейная колбаса...

— А, Мансур! Присаживайся, комсорг!

Я выпивку не любил и сейчас не люблю. Но отказаться неловко — ребята радушные и у каждого два-три ордена на груди.

— Комсорг, а не против, если еще по сто?

— Можно, — говорю.

А шнапса-то нет больше! Начинают ребята театрально глядеть друг на друга, рыться в мешках: «Была же еще бутылка!» Мне бы смолчать, а я с вопросом:

— Где брали-то?

— Вон, — показывают, — там еще есть. Но, правда, там фрицы стреляют, двое наших уже не вернулись.

Соображаю: «Попался на крюк. Меня угостили. И я угостить должен. Иначе авторитету конец».

От транспортера со шнапсом, застрявшего на нейтральной полосе, нас отделяет полянка в сто метров. Я снял полевую сумку, плащ-палатку и, — эх, была не была, — петляя, как заяц, кинулся в нужное место. Когда немцы зарыкали пулеметами, я был уже в мертвой зоне.

Две бутылки — в кармане. А как назад? Немцы теперь наготове. Ждут. Двое убитых лежат возле самой траншеи. Соображай, Мансур!.. Сообразил. Рванулся прямо к двум трупам. Пули впиваются впереди меня в землю. Падаю возле убитых и делаю вид, что обмяк. Лежу, не двигаясь, наблюдаю, как по каблуку убитого ползет божья коровка. Прикидываю в уме: «Немец, довольный стрельбой, уже снял палец с гашетки, наверное, уже в сторону поглядел...» Как пружина, взвиваюсь и в три прыжка — живой и невредимый — сваливаюсь в траншею. Пулемет заработал, да поздно.

Где же моя компания? Нету. Оказалось, хлопцы тоже думали, что я испекся, и совесть заговорила: зазря погубили молоденького комсорга. Разыскал я ребят. Давайте, говорю, выпьем за воскресение из мертвых. Сам пить не стал, пригубил только.

— А везенье на войне тоже бывало?

— Ну я, например, считаю себя везучим. На Курской дуге встретилось семеро нас сталинградцев. Решили отметить встречу. Под одиноким деревом сложили свои мешки и принялись, как полагается, в полный рост рыть окопы, — войной научены: они всегда должны быть. И вот кричат:

— Мансур! Сколько ждать можно?!

Я уже бросил лопату и вылез, как вдруг — снаряд, по звуку пролетный, заставил меня снова прыгнуть в окоп... Взорвалось что-то в воздухе. Вылезаю. Верхушки у дерева нет, а под деревом лежат мои друзья-сталинградцы, однополчане...

— Все воевавшие говорят о солдатской смекалке, военных хитростях...

(Окончание на 6-й стр.)